

«Экскурсия по городу:

ментальные карты как инструмент работы с городским опытом»¹

В статье рассматриваются теоретические и методологические проблемы изучения восприятия городского пространства. На эмпирическом примере предлагаются методологические подходы к исследованию городской среды с помощью формализованных процедур сетевого анализа и с опорой на теоретические представления о природе и специфике городских явлений.

Ключевые слова: социология пространства, образ города, не-место, воображаемость, сетевой анализ.

«Москва — город, который как будто никто не любит.

Деньги только давай, а чтобы слово доброе про нее сказать — нет такого».

Можаев А.

«На самом деле это такая мистификация — мы пытаемся сделать вид,

будто этот город наш, будто мы в нем хозяева».

Карелин В.²

Москва обладает радиально-кольцевой планировкой, что само по себе делает её центростремительным городом. Это выражается в том, что большинство потоков людей и благ так или иначе собираются именно в центре, либо координируются центром. Люди едут на работу в центр или через центр, там же отдыхают, встречаются, посещают культурно-развлекательные объекты.

При этом лишь малая доля москвичей проживает в центре своего города. Рассматривая историческую динамику социальной сегрегации расселения в Москве на основании адресно-справочной книги 1971 года, О. Трущенко отмечает, что «за период с 1926 по 1967 год доля города внутри Садового кольца снизилась с 8,2 до 2,1%, а численность населения с 34,4 до 8,6%» [Трущенко 1995: 60 -61].

¹ Глазков К. Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент работы с городским опытом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, № 5 (117), 2013. С. 136-151.

² Из интервью с Александром Можаевым и Валентином Карелиным. Большой город, 5(317). [Электронный источник] (http://bg.ru/city/gruppa_kirpichi-17544/). Александр Можаев – краевед, координатор «Архнадзора», Валентин Карелин – учитель истории, организатор школы практического москвоведения.

В результате одним из лейтмотивов пребывания в центре становится транзитность. Культуролог А. Ганжа пишет, что «мобильность – главное социально значимое свойство современного субъекта» [Ганжа 2012: 292]. Однако, следуя размышлениям теоретиков городского пространства Сеннета и Джекобс, автор подчеркивает тенденцию «стирания *обитаемого* (курсив Г.К.) публичного пространства», причиной которого среди прочих является и автомобиль. Ганжа утверждает, что «актуальное состояние городской среды в современных мегаполисах характеризуется, прежде всего, тотальным преобладанием унифункциональных объектов. Так, улица – это не более чем место для проезда. Ей всё сложнее упорствовать в собственной, несводимой к функции обеспечения трафика реальности – вырывать людей из состояния изоляции и дефицита общения, быть спонтанным театром, местом игр без четких правил и тем более интересных, местом встреч и многочисленных побуждений – материальных, культурных и духовных. Это означает, что исчезает трансфункциональная реальность города так такового» [Ганжа 2012: 296 – 297].

Мобильность остается уделом вечно спешащих и опаздывающих, не имеющих шанса «вовремя остановиться, сойти с дистанции, осмотреться в окружающем пространстве – самым ходом московской жизни» [Ганжа 2012: 310]. Схожий феномен у О. Паченкова получил название «злоупотребление публичностью» [Паченков 2012].

Следствием такой «спешки» становится специфический способ восприятия центра москвичами. «Каждый отдельный горожанин, перемещаясь по современным публичным пространствам, поглощен скорее своими личными, частными интересами и задачами. Толпы на улицах и городской трафик переживаются этим индивидом <...> как нечто мешающее его быстрому и беспрепятственному перемещению по городу» [Гройс 2012]. Опираясь на различие пространства и места (Кейси, Оже, Филиппов), исследователи указывают на необходимость «социального использования, исполненного эмоциональным откликом, запоминаемостью, актуальностью» [Утехин 2012], в процессе становления места так такового.

Эта специфика восприятия определяет **проблемную ситуацию** социологического исследования: с одной стороны, центр представляет собой сосредоточие людей, которые здесь работают, отдыхают, проводят время, с другой стороны, лишь малая доля москвичей соотносят себя с центром, обладает некоей связью со здешними местами. Можно ли вообще назвать центр Москвы «местом», нагруженным социальными смыслами?³ Если да, то местом чего, что и какие категории населения его делает таковым?

³ Термин «место» в понимании Оже, его содержание будут рассмотрены подробнее дальше.

Теоретические подходы к изучению городского пространства. Определение понятий

Городская среда обитания жителей

В данной работе предлагается рассмотрение метафоры *экскурсии по городу* как одного из возможных способов отношения к городской среде. Если попытаться раскрыть суть этой позиции, то нужно сказать, что «чужой и неосвоенный», обычными москвичами, центр преобразуется, раскрывает свой эмоциональный, практический потенциал в рассказах жителей и знатоков мест. Таким образом, после «наивного» блуждания по окрестностям в попытке ухватить скрытые и недоступные недостаточно рефлексивному сознанию исследователя ритмы и отпечатки следов исторических эпох есть смысл обратиться к человеку, погруженному в эту городскую среду, которая безраздельно его, сокровенная часть его самого. Собирая по крупницам такие субъективные видения мира мест конкретной территории в рамках подобных альтернативных обычным экскурсиям по городу, у нас появляется шанс увидеть нечто общее и уникальное в этих рассказах. Причем альтернативность здесь понимается в том ключе, что рассказчик не должен быть скован формальными требованиями, которые предоставляются к экскурсионному материалу, напротив, в своём видении он абсолютно свободен, что позволяет ему рассказать об окрестных местах с точки зрения возникающих у него на их счёт эмоций, воспоминаний и ощущений.

Мы также опираемся на подход к городу как к определённой городской среде сосуществования его жителей. Причем понятие среды содержит в себя все обстоятельства обитания, включающие как материально-объектные условия существования, а также присутствие других субъектов, результаты деятельности которых обладают порой даже «контрфинальными» последствиями для окружающих [Баньковская 2011: 23]. Чтобы подступить к операционализации понятия городская среда предлагается обратиться к работе В. Глазычева. В ней он пишет: «...одно и то же слово «среда» отражает два качественно различающихся между собой взгляда: один из них фиксирует предметно-пространственное окружение, обстановку (*environment*); другой — поведение людей в предметно-пространственной обстановке (*milieu*)» [Глазычев 1984]. Причем городская среда представляет собой в такой интерпретации не простую сумму этих двух составляющих, а их отношение, которое осмысленно каждым горожанином и имеет отражение на сложившийся образ, «налагаемый его носителями на всё, что воспринимает их взор» [Глазычев 1984].

Несмотря на условное присутствие физического пространства в этих подходах, пространственная сущность города, а именно идея некоей его географической

организации и соотнесённости городских объектов, отходит на второй план, уступая место изучению психологических и социальных последствий жизни в городе. Одним из упущений работ, теряющих данную перспективу исследования, является неспособность однозначно ответить, про какие явления и объекты идёт речь в их описании, проще говоря, отсутствие ответа на вопрос «где они?» Дабы восполнить этот пробел, предлагается вновь ввести категорию пространства в качестве предмета социологического рассмотрения, причем пространство должно занимать симметричное положение по отношению социальному.

Место как элемент социального пространства

Условно можно выделить два основных подхода к концептуализации пространства:

1) социальный конструктивизм (социальный детерминизм, его представители: П. Сорокин, П. Бурдьё, А. Давыдов) и 2) пространственный фетишизм (географические детерминизм, его представители: Ф. Ратцель, Л. Семашко).

В рамках первого подхода социальное пространство рассматривается, скорее, как стратификационную систему, многомерную и неоднородную, включающую себя значимые статусные подсистемы, по которым находятся координаты положения индивида в символических полях [Сорокин 1992; Бурдьё]. Второй подход в большей степени представлен географами, которые, а в частности Ф. Ратцель, развивая дарвинистские и экологические подходы, видят во всех проявлениях и достижениях социальной жизни последствия влияния среды, её пространственной конфигурации [Голд]. Нечто схожее в социологическом теоретизировании приобретает формы рассуждения о возможности описания, а затем уже и переноса, свойств физического пространства на «социальное пространство-время» [Семашко 2001].

Авторская позиция заключается в стремлении избежать описанных двух крайностей и опирается на соображение Б. Верлена, касающееся неверного понимания предмета географии как науки о пространстве. Ставя в центр теоретизирования понятие действия, в своей работе Верлен обращается к пространству, как к системе координат действия, обозначающие его средства и возможности. В своём отзыве к данному тексту Гидденс отмечает, что понимание пространства Верленом схоже с определением Лейбница, который рассматривал его, именно как «способ упорядочивания [пространственных] событий» [Верлен 2001: 30] Таким образом, действие как способ упорядочивания представляет собой ещё и процесс осмысления пространственных явлений. «Материальность становится осмысленной только в ходе осуществления действия с определенными намерениями и при определенных социальных (и

субъективных) обстоятельствах» [Верлен 2001: 34]. Само пространство (сюда можно отнести и все пространственные явления, например размещение) обретает «социальный смысл, и это очень важно, когда оно проходит через системы координат, ориентирующих поведение индивидов» [Верлен 2001: 32].

В результате мы имеем следующую картину. Физическое пространство объективно существует вне зависимости от осмысленности или неосмысленности кем-либо его объектов. Тем не менее, оно тематизируется и становится симметричным, как и любое социальное явление (само пространство в таком случае есть социальное явление), компонентом рассмотрения социальной организации лишь в том случае, если посредством индивидуальных действий и социальных конвенций обретает смысл. Таким образом, за счет ментального усилия физическое пространство обретает своего социально значимого двойника (социальное пространство), наполненного смысловым содержанием, которое между тем не теряет идеи некоей пространственной размещенности и локализации. «Современный человек осваивает пространство, кодируя его: превращая места в помещения, природу – в пейзажи, поверхности – в ландшафты» [Вахштайн 2012].

В социальной географии существует различие пространства и места. «Пространство, в отличие от места – абстрактная сущность, оно принципиально недоступно опыту, тогда как место связано с опытом человека» [Степанцов и Безруков 2008: 45; Casey 2001]. Причем место всегда воспринимается как «место действия». В результате опытного освоения мира человек обладает миром мест (совокупность мест автор ещё называет ландшафтом), который остается внутри него, даже тогда, когда он уже там не находится.

Ещё одним аналитическим различием, которым пользуются социальные географы, мы обязаны Марку Оже. Оже предложил развести понятия «место» и «не-место». При этом «место может быть определено отношениями, исторически и через идентификацию, в то время как пространство, не имеющее таких связей, есть не-место» [Auge 1995: 77-78].

Определение места мы также можем встретить у Филиппова. «Место. Элементарный смысловой комплекс. Территория, воспринимаемая как неделимое единство» [Филиппов 2008: 261]. Из этого определения следует два вывода: во-первых, элементарность и неделимость смысловой составляющей места; во-вторых, место воспринимается на основании чего-то. Филиппов предлагает понятие практической схемы различения, которое представляет собой «смысловой комплекс знаний и умений, позволяющих ориентироваться в пределах региона [место мест, мир мест, ландшафт]», причем «схема имеет преимущественно дорефлексивный характер и укоренена в опыте

тела, его диспозициях и привычках» [Филиппов 2008: 262]. Таким образом, места выступают в качестве элементарных составляющих мира мест, который, к слову, в случае Филиппова лишь «объемлет элементарные места» [Филиппов 2008: 261]. В то же время, на наш взгляд, места сами по себе вступают друг с другом в отношения, взаимно соотносятся, выделяются из целого в виду неких связей между местом и человеком, упорядоченных в схему различения.

В связи с тем, что не до конца ясно, как операционализировать практическую схему различения, предлагается привести аналогию с понятием «образ города». Образ города в том смысле, в котором его понимал Кевин Линч: «обобщенная мысленная картина окружающего материального мира в сознании человека» [Линч 1982] – вполне может послужить инструментом «заземления» схемы различения, к тому же работа Линча безусловно признана методическим пособием по изучению образа города.

Образ города и ментальные карты

Образ города – это одновременно название ключевой работы Кевина Линча и центральный концепт этого текста. Линч, выступая, по сути, с позиций планировщика, имел задачу теоретического обоснования градостроительной деятельности, направленной на улучшения так называемой «читаемости» (“legibility”) городского ландшафта, понимаемой как «лёгкость, с которой части города распознаются и складываются в упорядоченную картину» [Линч 1982]. Читаемость при этом зависит от «воображаемости» (“imageability”) элементарных объектов, которые могут стать, а могут и не стать частью общей картины (образа). В свою очередь, воображаемость того или иного объекта складывается из трёх составляющих: 1) из структуры (связности объектов, способности их соотносить друг с другом) объектов, 2) опознаваемости (способности вычленить объект на фоне остальных) и 3) значения (субъективного смысла, который вкладывает человек).

Воображаемость во всей этой конструкции выступает одним из ключевых оперантов, позволяющих на практическом уровне подступить к изучению (измерению) образа города. Основной методикой в исследовании Линча являлось ментальное картографирование, которое представляло собой интервью с «просьбой нарисовать эскизный план города, дать детальное описание нескольких путешествий по городу, перечислить и кратко описать те его части, которые наиболее четко и живо закреплены в памяти» [Линч 1982]. Степень воображаемости того или иного объекта измерялась в таком случае частотой (долей) упоминаний объекта по отношению к числу всех опрошенных.

Методика ментального картографирования получила в дальнейшем своё развитие, что привело даже к некоей путанице в понимании, что считать ментальным картографированием, а что нет.

Чтобы разобраться с определением ментального картографирования обратимся к статье Н. Веселковой, в которой автор выделяет четыре отличительных свойства ментальных карт:

- 1) Изучаемые представления *визуализированы*, причем *визуальное* является центральным, приоритетным;
- 2) Ментальные карты визуализируют представления о *местности*, люди должны выражать своё видение местности, а не просто там находиться;
- 3) Непосредственным создателем ментальной карты является *информант*;
- 4) Ментальные карты создаются *для исследования* [Веселкова 2010: 7-12].

В данной работе используется, как уже было упомянуто, социальное и ментальное картографирование (которое является подпонятием социального картографирования). Различие этих двух методик заключается именно в третьем свойстве: если на этапе «наивного» описания мы собираемся самостоятельно наносить на карту наблюдаемые явления, то в случае ментального картографирования дело «производства» карт будет вверено самим информантам.

Сетевой анализ ментальных карт

Предложенные в статье Веселковой способы объяснения степени вообразимости городских объектов («правда, здесь расположение окон, погода и вид из окна не способствовали зарисовкам с натуры») [Веселкова 2010: 17-18] представляются не вполне эффективными и адекватными в свете определения самого понятия «вообразимость», которое дал Линч. То есть, анализ ментальных карт с позиций изучения степени вообразимости упоминаемых в них объектах, с нашей точки зрения, должен опираться на изучение трёх компонент вообразимости, воздействие которых объединяется и имеет непосредственное проявление в её значениях. А именно, анализ ментальных карт обязан складываться вокруг постижения связности, опознаваемости и эмоционально-практической значимости городских объектов для информантов.

Пример методической разработки формализованного анализа ментальных карт и результатов ее реализации представлен в работах Омера и Джианга [Omer and Jiang 2010], которые являются представителями, так называемого направления сетевого анализа в пространстве – *space syntax*, становление которого связано с концом 70ых и таким автором, как Билл Хиллер [Hillier 2007]. Суть этого подхода опирается на компоненты

воображаемости Линча (структуру, опознаваемость и значение), причем делается акцент именно на структуре изучаемых объектов, что двигает исследователей в сторону использования структурного инструментария сетевого анализа.

Методология исследования

Переходя к описанию эмпирической части исследования, обозначим основные методологические подходы, которые будут реализованы в работе.

Мы предлагаем рассматривать город как городскую среду сосуществования его жителей, являющейся соотношением людской деятельности и пространственно-объектного окружения. Исходя из такого понимания, под наше рассмотрение попадает понятие пространство в свете его трансформации в социальное пространство в ходе символического наполнения и определения его социально значимых свойств. Частной, локальной составляющей социального пространства есть мир мест («ландшафт», «регион», «место мест» у разных авторов), который есть система взаимно соотносящихся «элементарных смысловых комплексов» – мест, с которыми у человека есть связь в виде отношений, историй и идентификации. Это отличает смысловые нагруженные места от не-мест. Выделение (различение) мест друг от друга и их взаимное соотнесение осуществляется посредством практической схемы, которая представляет собой «смысловой комплекс знаний и умений». В связи со сложностью операционализации практической схемы различения мы обратились к понятию образ города у Линча, который предлагает конкретные методические приёмы по изучению общей картины мира посредством ментального картографирования и воображаемости элементов городской среды. Заменяя предложенные Линчем элементы городской среды (путь, ориентир, граница, узел и район) на элементы, выраженные понятием «место», мы собираемся анализировать мир мест, отраженный в результатах исследовательского наблюдения и общения с информантами. В рамках подхода сетевого анализа (space syntax) предполагается топологическая редукция пространственно размещенных объектов (в нашем случае мест) в граф, что позволит нам объяснить степень воображаемости мест через меры центральности полученной сетевой структуры.

Эмпирическое исследование восприятия городского пространства было реализовано весной 2013 года. Объектом исследования выступал центр Москвы, в частности конкретный его район – Китай-город, который рассматривался как городская среда сосуществования разных категорий москвичей, обладающих различным видением одних и тех же просторов. Сбор данных проводился с помощью наблюдения, социального и ментального картографирования с жителями района, экскурсоводами-краеведами и москвичами, не проживающими в этом районе на момент исследования.

Исследование проводилось в два этапа, которые условно можно назвать «наивное» и «погруженное» описание.

Первый этап был реализован с помощью наблюдения и социального картографирования⁴ и имеет задачу сформировать общее представление о районе на базе *наблюдаемых* уличных практик. Специфика собранных на этом этапе описаний (мир мест *стороннего наблюдателя* района Москвы) позволяет задать пространственную плоскость, систему координат для проекции содержательных и смысловых явлений, что позволит их локализовать и, таким образом, ответить на вопрос «где это происходит?», дополнить знание о городе, как о среде обитания, состоящей из людей и мест.

Второй этап исследования, осуществлённый с помощью ментального картографирования с информантами разных категорий⁵, и может быть рассмотрен в качестве «погруженного» описания, в котором раскрываются разные способы видения одного и того же пространства. Уточним, что интервью проводились по тематическому гайду, состоящему из двух вопросов (как давно и где проживает информант, что для него Китай-город в целом) и двух заданий (с просьбой нарисовать карту Китай-города с обозначением его границ и отметками тех конкретных мест, с которыми у него есть связь в виде чувств, знаний, воспоминаний и деятельности).

Обработка собранной в рамках двух этапов информации сводилась к формированию для каждой категории информантов единого списка мест с типами связи (эмоциями, фактами, воспоминаниями и практиками), в виду которых данные места были упомянуты.

Разнообразие уличной жизни района Китай-город

В рамках первого этапа наблюдения было выявлено 93 места, в которых происходила хоть какая-то деятельность, связанная с нетранзитным использованием условий среды. Большинство из них не являются многофункциональными и были выявлены по одной – двум уличным практикам, о чём свидетельствует среднее количество практик по всем местам (2,41).

Условно выделяются пять групп практик по частоте их встречаемости в тех или иных местах. Наибольшую распространённость получили практики, реализация которых в большинстве случаев не требует хорошо развитой инфраструктуры. Это практики общения (встречается в 59 местах из 93), и практики релаксации или «сидения» (37 мест) на различных объектах малой архитектурной формы (на скамейках, ступеньках, выступах

⁴ Собрано 18 наблюдений с использованием gps-tracking с общей продолжительностью в 32 часа, проведённых равномерно в разное время суток и дни недели и в разных частях изучаемого района.

⁵ Четыре интервью с жителями района, три с экскурсоводами и три с москвичами, которые не проживают в данном районе – всего 10 интервью.

и других поверхностях). Далее следует группа практик, которые объединяются необходимостью организации специальных условий для их осуществления. Так, чтобы погулять с детьми или с собакой нужна какая-нибудь площадка или парк, в то время как для условно названных «культурных» практик и мест встречи должен быть некий «культурный» повод или ориентир – значимая по тем или иным критериям постройка или объект. Затем следует группа специфических практик, которые, предположительно, связаны с узкой категорией москвичей – самими жителями района. К сожалению, некоторые типы практик (использование Интернет и ориентирование по городу) неуловимы для наблюдения в силу нечувствительности используемого инструментария, что не позволяет судить о них как о содержательных категориях.

В какой-то степени приходится признать, что первоначальная гипотеза о скудности наблюдаемой уличной жизни в районе подтверждается данными, которые мы получили на этапе «наивного» описания. Действительно, уличная жизнь Китай-города в некоторых участках практически не наблюдается, а в большинстве случаев принимает специфические формы, зависящие от развитости окружающей инфраструктуры, которая, в свою очередь, представляется бедной.

Топ-лист мест района Китай-город с точки зрения наблюдения

Характеризуя самые значимые места района Китай-город с точки зрения наблюдения и наглядного разнообразия уличных практик, отметим, что лишь девять мест из 93 (см. Табл. 1, 2 и Рис. 1) являются, так называемыми multi-used spaces, что делает их центрами притяжения социальной жизни.

Таблица 1

Распределение мест в районе Китай-город по количеству уличных практик

Кол-во уличных практик	Кол-во мест	Накопленная частота
1	34	34
2	25	59
3	12	71
4	13	84
5	6	90
6	2	92
7	1	93

Как мы можем, видеть семь из девяти указанных мест находятся в непосредственной близости к станции метро «Китай-город», что подчёркивает её значимость для протекающей в районе уличной жизни.

Таблица 2

Список мест с ... практиками

пятью	шестью	семью
Ильинский сквер, средняя часть	Покровка-Потаповский, сквер	м. Китай-город, Маросейка 3
Ильинский сквер, нижняя часть	Забелина, 3 дворик РГГУ	
Маросейка, 9, макдоналдс		
Морозовский сад		
м. Китай-город, Лубянский проезд		
м. Китай-город, Солянский проезд, 4		

Тем не менее, география расположения этих мест позволяет сделать предположение касательно категорий населения, которые проводят в них время. Возможно, что места, расположенные близко к метро, привлекают к себе москвичей, которые не проживают в самом Китай-городе, и выбираются ими в силу удобства и развитости инфраструктуры (наличие лавочек, деревьев, доступа в Интернет и так далее). В то время как Морозовский сад и сквер на пересечение Покровки и Потаповского переулка – места, с которыми в большей степени связаны жители района, и эта связь может выражаться в других аспектах (как места историй и воспоминаний).

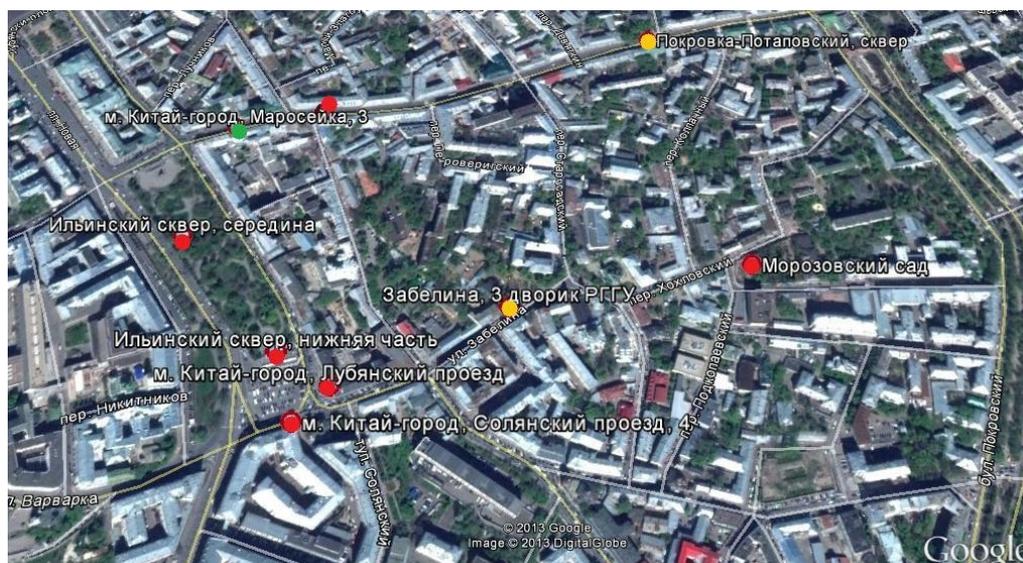

Рис. 1. Расположение самых «нагруженных» мест района Китай-город

Сравнительный анализ мира мест разных категорий информантов

Обобщённые образы Китай-города трёх категорий информантов: жителей района, экскурсоводов и москвичами, - будут рассматриваться как специфические способы видения этого пространства. Эти способы видения могут дополнять друг друга, либо находиться в противоречии, в том числе с позицией, полученной в ходе наблюдения. Чтобы сделать процедуру сравнения четырёх образов (мир мест стороннего наблюдателя,

москвичей, экскурсоводов и жителей района) более наглядной, сначала выделялись ключевые элементы этих картин, а затем проводить их тщательное сопоставление.

Ключевые элементы мира мест разных категорий информантов (по наблюдениям мы выделили девять таких мест) были определены с помощью нескольких инструментов. Каждое место описывается следующими переменными: 1) степенью связей, 2) промежуточностью положения, 3) близостью и 4) степенью воображаемости.

Каждая из четырёх переменных имеет свой механизм расчёта и специфический смысл. Не делая акцент на сравнении этих инструментов, наглядно продемонстрируем степень схожести и различия результатов их применения.

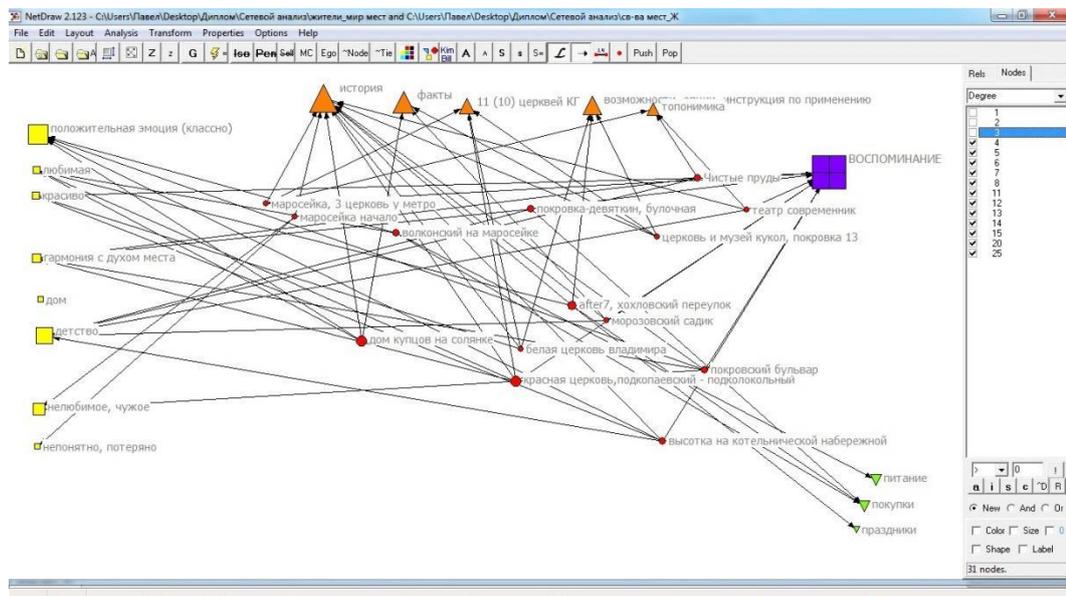

Рис. 2. Ключевые места в образе Китай-город у жителей района на основании степени связи (места с четырьмя и более рёбрами)

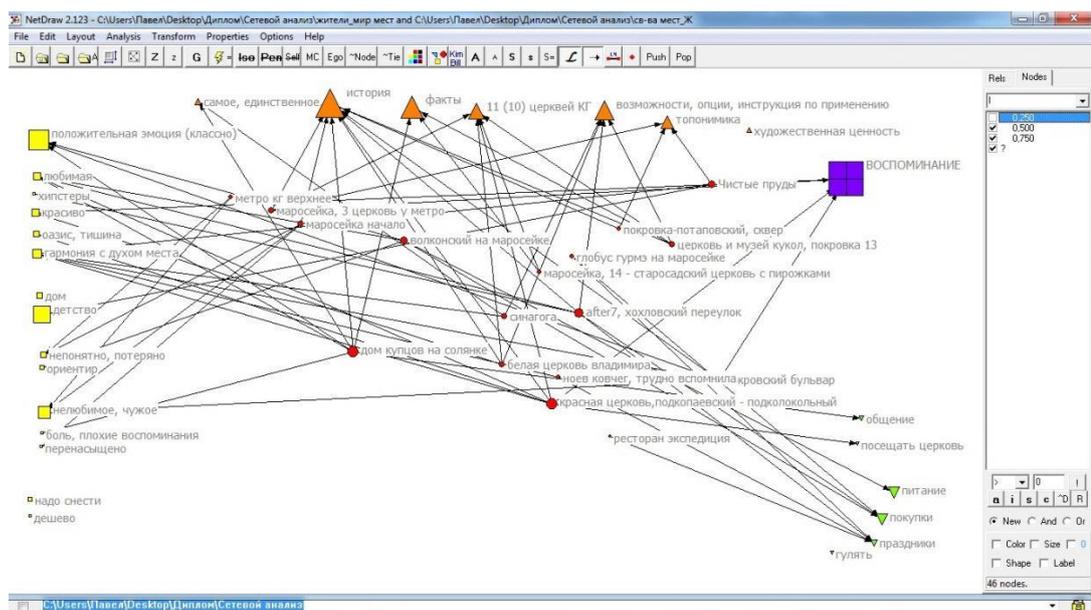

Рис. 3. Ключевые места в образе Китай-город у жителей района на основании степени воображаемости (от 0,5 и выше)

На Рис. 2 и 3 визуализированы двухмодальные графы, где один вид узлов – места, а другой – тип связи. Причем все узлы упорядочены: места в соответствии с их положением на географической карте, эмоции-оценки находятся в столбце слева, факты-истории – сверху в виде треугольников, воспоминания – квадрат в правом верхнем углу, практики – перевёрнутые треугольники в правом нижнем углу. На панели справа также отображены критерии (Degree – степень, I – степень воображаемости), по которым выбираются узлы для отображения, и их градации.

Как можно заметить, большинство мест присутствуют в том и другом графах, хотя есть некоторые узлы, которые то возникают, то пропадают. С помощью использования нескольких инструментов оценки мы имеем возможность более чувствительно подойти к отбору мест и способам их интерпретации.

Далее перейдём собственно к самому сравнению ключевых мест (см. Рис. 4), выделенных на основании наблюдения и интервью с москвичами, экскурсоводами и жителями района. Дабы усилить контраст описаний, оставим для сопоставления лишь те места, которые одновременно упоминаются в разных источниках, то есть, где есть столкновение разных способов видения.

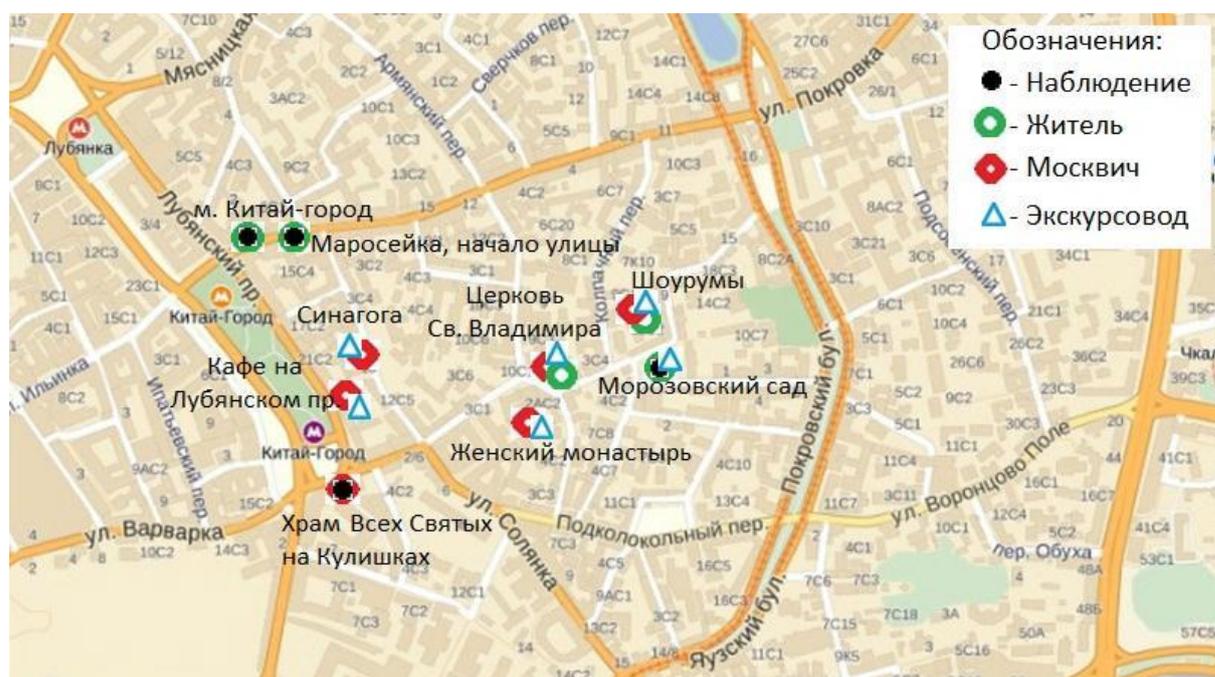

Рис. 4. Места столкновения описаний

Итак, согласно результатам сетевого анализа мира мест наших информантов, каждая из трёх категорий информантов имеет повторяющиеся типы связи с местами. Для москвичей типична эмоциональная связь с местами, только в их рассказе о Китай-городе встречается практика «сокращая путь» и ощущение, что в этом районе проводят время какие-то особенные люди, близкие им по стилю жизни и интересам. Рассказы

экскурсоводов о Китай-городе в большей степени наполнены фактами и историческими справками. Образ района у его жителей специфичен в том плане, что у них зачастую встречаются негативные эмоции, связанные с грустью и ностальгией по былому. Уникальным описание жителей делает факт присутствия в их рассказе деталей о том, что и где они делают, то есть практик.

Если пытаться делать обобщения касательно мест, то необходимо отметить три сюжета. Первый связан с тем, что места с наибольшим числом уличных практик (например, те, что по улице Маросейка), которые были выделены на этапе «наивного» описания, упоминаются лишь в рассказе жителей района и то в связи с негативными эмоциями и ощущением чуждости (*«И сильное разочарование у меня до сих пор [в сравнении со станцией Чистые пруды], и я избегаю эту станцию метро [м. Китай-город]. То есть отношение у меня к ней есть, но такое, знаете, неприязненное. То есть я стараюсь на эту станцию не попадать. Если попадаю, то мне там, ну, нехорошо, просто неприятно» - мужчина, 55 лет*).

Второй сюжет отсылает нас к результату, который мы получили, выделяя топ-лист мест. У нас было предположение, что места с бурной уличной жизнью и расположенные близко к метро в большей степени соотносятся с москвичами, которые не проживают в Китай-городе, чем с его жителями. Подтверждение тому мы можем увидеть в двух случаях: кафе в многолюдном Лубяnsком проезде и более уединённый Морозовский сад. Кафе, расположенные в Лубяnsком проезде, фигурируют в рассказах москвичей и экскурсоводов, которые частенько здесь бывают, и не встречаются в упоминаниях жителей. С Морозовским садом, на который мы обратили внимание ещё на первом этапе описания, наблюдается противоположная ситуация: если москвичи не указывают это место, то для жителей района это место детских и юношеских воспоминаний, связанных с личным и сокровенным.

Третий сюжет связан с необходимостью подчеркнуть, что практический тип связи слабо представлен во всех категориях информантов. Подтверждение тому мы найдём и в ответе на вопрос «Что для Вас Китай-город в целом?». Так, для большинства жителей района Китай-город – это исторический центр Москвы, где сохранился *дух, особая атмосфера и гармония*. То есть, даже для жителей эта территория, прежде всего, не место практик, а история, ощущения и воспоминания.

Конвенциональные границы района Китай-город

В рамках интервью и ментального картографирования информантов просили указать субъективные границы района Китай-город или ориентиры, по которым они восстанавливаются. В результате мы получили три карты (см. Рис. 5, 6 и 7), на которых

отмечены области – индивидуальные границы района каждого информанта в рамках своей категории.

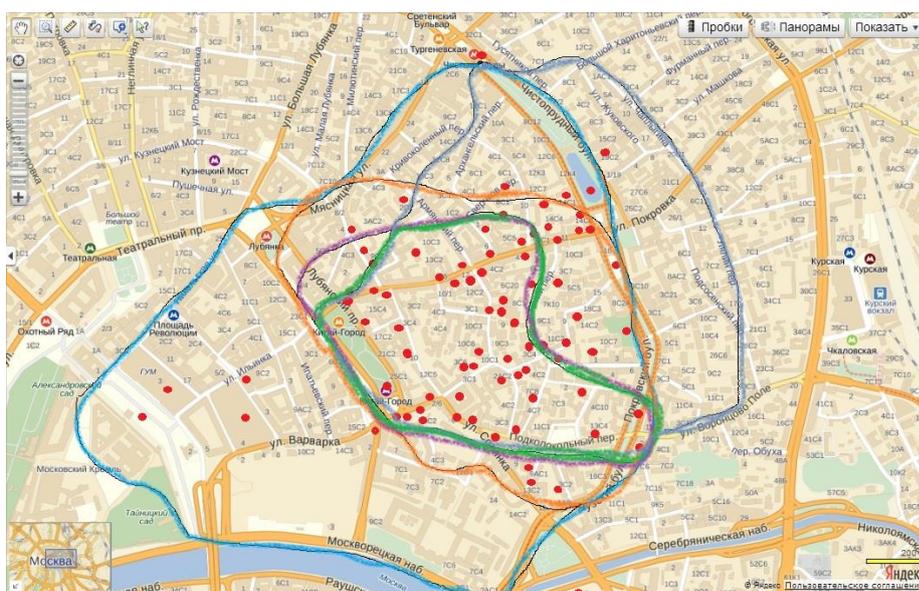

Рис. 5. Субъективные границы Китай-города у жителей района

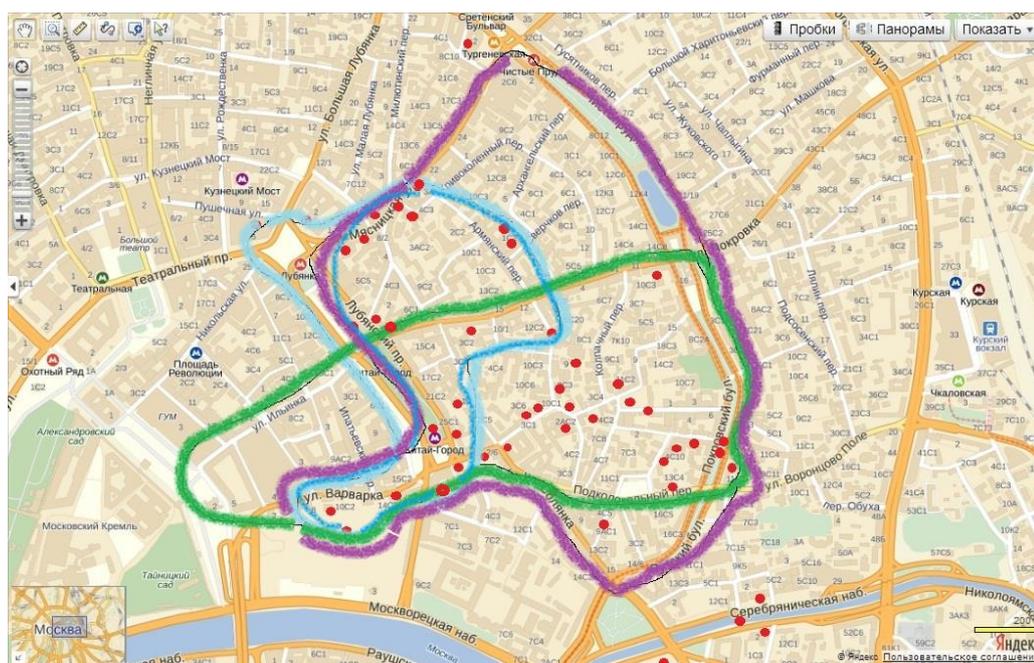

Рис. 6. Субъективные границы Китай-города у москвичей

На основании этих карт мы можем сделать вывод, что представления о границах района у жителей географически обширное и пересекающееся, у москвичей зауженное, а у экскурсоводов слабо пересекающееся. Причем общая часть района в восприятии москвичей находится вдоль основных улиц и станций метрополитена (м. Китай-город, Лубянский проезд, улицы Мясницкая и Маросейка), в то время как у жителей «ядро» района находится где-то в сетке мелких переулков (Спасоглинищевский, Старосадский, Хохловский, Подкопаевский переулки).

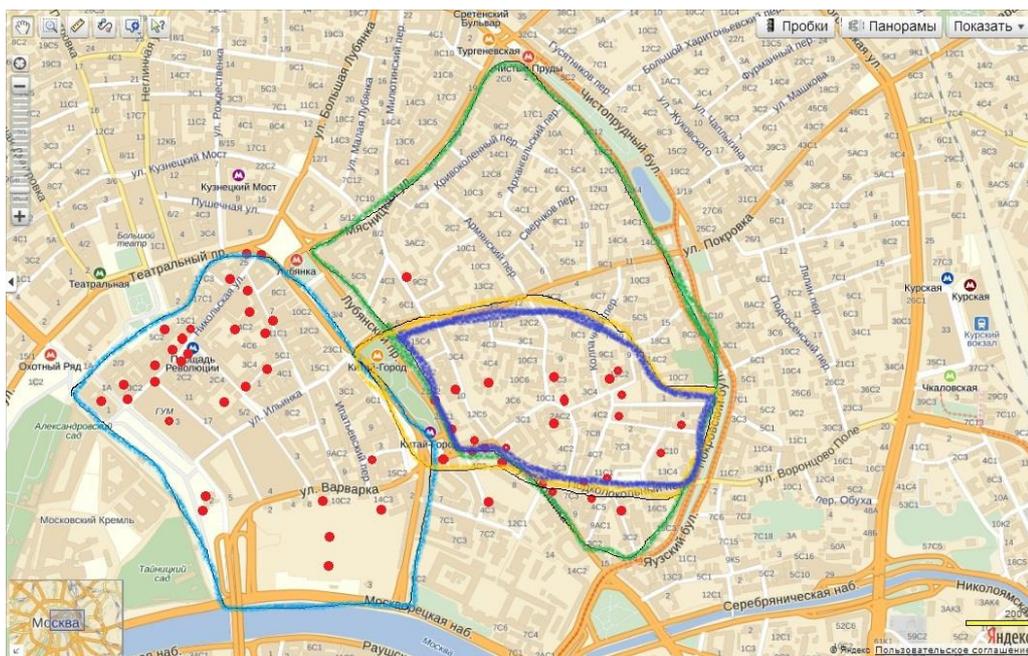

Рис. 7. Субъективные границы Китай-города у экскурсоводов

Итак, центр Москвы на примере района Китай-город предстаёт перед нами как территория столкновений разных способов видения одного и того же пространства. Несмотря на кажущуюся скудность уличной жизни с позиций стороннего наблюдателя, Китай-город включает в себя места, связь с которыми у разных категорий информантов выражена по-разному, что в корне переопределяет наше изначальное представление о данном районе как о транзитном и не-смысловом пространстве. Дальнейшее и более детальное рассмотрение противоречий, возникающих у жителей и не-жителей района по поводу его устройства и будущего, может дать надёжную базу для продуманных и обоснованных решений в сфере градостроительной и планировочной деятельности.

В заключении мы бы хотели поделиться некоторыми соображениями по поводу методологических трудностей, возникших по ходу реализации исследования.

Одной из таких проблем является определение понятия «место» и попытка его операционализации. Несмотря на то, что мы дали определение места и предложили приёмы по его измерению, существуют определённые сомнения по поводу того, что выделенные на основании сего места есть элементарнейшие смысловые комплексы, которые не пересекаются друг с другом и обладают специфической связью с человеком, который их выделяет. К тому же идея сетевого анализа низводит конкретные места до абстрактно малых точек, что представляется, хоть и необходимым аналитическим приёмом, но всё же противоречащим природе места процессом. Пути более чёткого

определения и концептуализации места как концепта находятся за пределами сетевого анализа.

Второй проблемой представляется потеря из виду рефлексивных практик перемещения и ориентирования по городу. Мы не отрицаем, что смыслообразование возможно не только по отношению к отдельно взятому месту, но к маршруту или даже области, связанность которых обеспечивается процессом изменением своего положения в пространстве. Инструменты сетевого анализа, редуцирующие всё в точки и рёбра отношений, упускают поточные объекты, метафора которых, по мнению некоторых исследователей, в большей степени соответствует описанию городских явлений [Амин и Трифт 2002: 234]. Тем не менее, неспособность отличить транзитные от смыслообразующих перемещений представляется ущербной, что вынуждает задуматься об использовании иных методик по изучению города, таких как биографические прогулки, к примеру [Стрельникова 2012].

Список литературы

- 1) Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного опыта // Философско-литературный журнал "Логос". 2002. № 3-4. С. 209-234.
- 2) Баньковская С. Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1-2. 2011. С. 19-33.
- 3) Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение. [Электронный источник] (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Burd/01.php). Проверено 30.05.2013.
- 4) Вахштайн В. FAQ: Логика ландшафта. 2012. [Электронный источник] (<http://postnauka.ru/faq/1842>). Проверено 30.05.2013.
- 5) Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. Том 1. № 2. 2001. С. 26-48.
- 6) Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практики использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5-30.
- 7) Ганжа А.Г. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве // Философско-литературный журнал "Логос". 2012. № 1. С. 289-310.

- 8) Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. — М.: Наука, 1984. — 180 с. [Электронный источник] (http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_3.htm). Проверено 30.05.2013.
- 9) Голд Д. Психология и география: Основы поведенческой географии. [Электронный источник] (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/gold/index.php). Проверено 30.05.2013.
- 10) Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу // Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». 2012. [Электронный источник] (<http://www.litres.ru/boris-groys-2/publichnoe-prostranstvo-ot-pustoty-k-paradoksu/>). Проверено 30.05.2013.
- 11) Линч К. Образ города // М.: Стройиздат, 1982. [Электронный источник] (http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm). Проверено 30.05.2013.
- 12) Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью». [Электронный источник] (<http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html>). Проверено 30.05.2013.
- 13) Семашко Л.М. Тетрасоциология – социология четырех измерений. К постановке проблемы. 2001. [Электронный источник] (<http://ecsocman.hse.ru/data/113/689/1231/005Semashko.pdf>). Проверено 30.05.2013.
- 14) Сорокин П. Человек, цивилизация, общество/ П.А. Сорокин. - М.: Политиздат, 1992. С. 245-387.
- 15) Степанцов П., Безруков В. Проблема Места и Я (Self) в социальной географии и философии // Социологическое обозрение. Том 7. № 3. 2008. С. 44-54.
- 16) Стрельникова А. Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении. [Электронный источник] (www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76002574). Проверено 30.05.2013.
- 17) Трущенко О.Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве – М.: Socio-Logos, 1995. – 112 с.
- 18) Утехин И. Место действия. Публичность и ритуал в пространстве пост-советского города // Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». 2012. [Электронный источник] (<http://www.litres.ru/ilya-utehin/mesto-deystviya-publichnost-i-ritual-v-prostranstve-postsovetskogo-goroda/>). Проверено 30.05.2013.
- 19) Филиппов А.Ф. Социология пространства. – Спб.: «Владимир Даль», 2008. – 285 с.
- 20) Auge M. Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. – 1995. P. 121. [Электронный источник]

(<http://www.acsu.buffalo.edu/~jread2/Auge%20Non%20places.pdf>).

Проверено

30.05.2013.

- 21) Casey E.S. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? // Annals of the Association of American Geographers. 2001. Vol. 91. No. 4. P. 683-693.
- 22) Hillier B., Vaughan L. The city as one thing // Progress in Planning. 67 (3). 2007. pp. 205 - 230.
- 23) Omer I., Jiang B. Imageability and Topological Eccentricity of Urban Streets // GeoJournal Library 99. Springer Science, Business Media B.V. 2010